

— Шанлу? — он хитро опустил его фамилию.

Сюй Шанлу, казалось, не обратил внимания на смену обращения и лишь бесстрастно произнес:

— Зачем ты поставил просроченное молоко наверх?

В его тоне проскальзывало легкое брезгливое недовольство.

Лян Цзянь подошел к нему, присел на корточки и, взяв за руку, стал смазывать йодом кожу вокруг раны, между делом бросив:

— Доставал, когда спешил закончить рукопись, да так и забыл выпить. Но всё равно спасибо, что ты такой внимательный.

В любом случае, похвала — беспроеигрышный вариант.

Сюй Шанлу на мгновение замолчал, а затем с неожиданным интересом переспросил:

— Рукопись?

— Подработка. Зарабатываю копеечку, иначе как бы я купил квартиру без ипотеки?

— Мм.

Сюй Шанлу заметил на журнальном столике лежащую книгу на научно-фантастическую тему и машинально взял её в руки — это был авторский экземпляр, присланный издательством.

Лян Цзянь тем временем обматывал его руку стерильным бинтом, исподлобья поглядывая на него.

Юноша с лицом писаного красавца листал книгу, и его отрешенное выражение лица заставило Лян Цзяня вспомнить о ком-то из далекого прошлого.

Прекрасный момент, чтобы сократить дистанцию.

— В конце концов, у меня ни отца, ни матери, приходится рассчитывать только на себя.

Сюй Шанлу замер, переведя взгляд с книги на его лицо:

— Ты...

— Рос в детском доме, — Лян Цзянь улыбнулся, сам над собой подшучивая. — Судьба моя горькая, куда уж мне до таких господ из полных семей, как вы.

Сюй Шанлу шевельнул губами, нерешительно собираясь что-то сказать, но Лян Цзянь уже поднялся и отряхнул полу одежды:

— Я пойду готовить ужин, что будешь?

— Без разницы.

Лян Цзянь уставился на макушку Сюй Шанлу и, не совладав с собой, протянул руку, чтобы потрепать его волосы. Сюй Шанлу ошеломленно поднял голову, и в его глазах читалось чистое недоумение.

Точь-в-точь большая собака, которую погладили по голове.

Лян Цзянь улыбнулся с видом лисицы, утащившей цыпленка, и, пока парень не успел опомниться, напевая себе под нос, крутанулся на каблуках и скрылся на кухне.

Сюй Шанлу со сложным выражением лица посмотрел ему вслед.

Лян Цзянь привычным движением завязал фартук и зажег конфорку.

Когда по гостиной поплыл аппетитный аромат еды, Сюй Шанлу уже по диагонали прочел написанную Лян Цзянем книгу и закрыл глаза, чтобы немного отдохнуть.

Неотступное раздражение в душе постепенно рассеивалось, уступая место зарождающейся зависти.

Самое уязвимое место в его сердце было задето наотмашь.

У Лян Цзяня не было ни отца, ни матери, но он был счастливее и радостнее Сюй Шанлу — хотя бы потому, что ему некуда было возвращаться.

Сюй Шанлу тихо вздохнул.

Союз его родителей был ошибочным и неравным браком: случайная связь по пьяни, нежелательная беременность. Отец счел это позором, отказался брать на себя ответственность и женился на девушке из своего круга.

Детей в том браке не было.

Пятнадцать лет спустя законная жена отца умерла, и тот наконец вспомнил, что у него есть внебрачный сын. Только тогда Сюй Шанлу забрали в семью, заставив называть мачеху мамой и лишив возможности видеться с родной матерью.

Отцу нужна была лишь кровь для продолжения рода.

А его мать...

Однажды Сюй Шанлу случайно услышал, как мать жалуется по телефону подруге:

— Он ребенок, рожденный от насильника. Если бы не мое слабое здоровье, при котором нельзя было делать аборт, я бы ни за что не позволила ему выжить.

Родная мать хотела его смерти. Ведь он был первопричиной ее несчастной жизни, главным пятном на ее репутации.

Сюй Шанлу обхватил голову руками, его сердце пронзила судорожная боль. По спине пробежали ледяные течения антарктических вод, принося с собой пробирающий до костей холод.

Разве Лян Цзянь, сирота при живых родителях, не был намного счастливее его, отвергнутого и преданного собственной семьей?

Внезапно макушку овеяло теплом: Лян Цзянь, опустив взгляд, мягко гладил его по волосам.

В другой руке он держал пару палочек для еды.

— Лапша готова, иди ужинать.

Выражение лица Лян Цзяня было совершенно обычным — казалось, он вовсе не заметил покрасневших глаз Сюй Шанлу.

Хрупкий цветок трудно сорвать (11)

На упругой полупрозрачной лапше покоились ярко-зеленые перья лука и кусочки румяной колбасы, а на самом дне пряталось глазуньево яйцо, источая умопомрачительный аромат.

Оба молча ели каждый свою порцию. Покончив с едой, Лян Цзянь с улыбкой поинтересовался:

— Ну как, вкусно?

Сюй Шанлу бросил взгляд на пустую тарелку и холодно бросил:

— Нормально.

Лян Цзянь ничуть не рассердился и продолжил расспросы:

— Наелся? Хочешь еще тарелочку?

Сюй Шанлу ответил:

— Без разницы.

Лян Цзянь мысленно закатил глаза: он решил перевести «нормально» как «очень вкусно», а «без разницы» как «хочу добавки».

Все цундэрэ — те еще упрямцы, не стоит спорить с Сюй Шанлу по пустякам.

Лян Цзянь наложил ему еще порцию:

— Ты сейчас в том возрасте, когда растёшь, надо кушать побольше.

Сюй Шанлу с показной сдержанностью подцепил палочками лапшу и принялся ее тщательно и сосредоточенно пережевывать.

Лян Цзянь устроился на стуле напротив и во все глаза уставился на него.

Забавно этот сорванец ест — так сосредоточенно, с таким серьезным видом. Ему даже захотелось завести такого сынишку.

Почувствовав на себе его жгучий взгляд, Сюй Шанлу нахмурился и раздраженно бросил:

— Чего пялишься?

— Да так, ниче. Ладно, я пойду в душ, а ты ешь не спеша. В кастрюле еще осталось.

Лян Цзянь, конечно, не собирался признаваться, что мысленно уже раз сто назвал его сыном, и лишь невинно и невозмутимо пожал плечами.

Сюй Шанлу на секунду замер, после чего кивнул и тихо произнес:

— Понял.

Лян Цзянь уже поднялся и хотел было уходить, как вдруг услышал тихие слова Сюй Шанлу — если бы не напрягал слух, ни за что бы не разобрал:

— Спасибо за угощение.

Ишь ты, даже вежливую форму использовал.

□Показатель благосклонности Цели захвата достиг 20, пожалуйста, хозяин, продолжайте в том же духе.□

Под струями душа Лян Цзянь взбил на голове шапку из пены, запрокинул лицо и крепко зажмурился, пока вода смывала мыло.

□Его расположение так трудно заработать. Если всё так и дальше пойдет ни шатко ни валко, дело дрянь.□ Лян Цзянь потер переносицу. По природе своей он вовсе не был домашним добряком, и каждый раз, когда Сюй Шанлу язвил, ему приходилось сдерживаться, чтобы не ответить тем же.

Система:

— Разве ты не пытаешься его соблазнить?

Лян Цзянь прищурился, задумался на мгновение, а затем хлопнул себя по колену, и уголки его губ изогнулись в улыбке, придавшей его мягкому и спокойному лицу неуловимый налет порочности сквозь пелену пара:

— Ты прав, соблазнить.

Похоже, придется пустить в ход тяжелую артиллерию.

...

Наевшись досыта, Сюй Шанлу развалился на диване с видом молодого господина и привычным движением извлек пачку сигарет и зажигалку.

Уже поддев крышку зажигалки, он внезапно сообразил, что находится не у себя дома, а Лян Цзянь терпеть не может табачный дым. Проворчав про себя, что у этого манерного пижона вечно куча заморочек, он послушно убрал сигареты обратно.

От скуки он принялся разглядывать безделушки в гостинной, а в ушах тем временем шумела вода.

Звукоизоляция просто отвратительная.

Взгляд помимо его воли соскользнул на дверь ванной комнаты. Это была матовая стеклянная дверь скверного качества, сквозь которую смутно угадывались очертаниядвигающегося человека.

Пусть и расплывчато, но воображение легко дорисовывало каждое его движение.

Наклонился, спина выгнулась подобием каменного мостика; он стоял спиной к двери, и ягодицы, вплотную прижатые к стеклу, выглядели на редкость аппетитно — совсем по-женски. Широко раздвинув длинные прямые ноги, он мылся между ними.

— ...Черт.

Сюй Шанлу торопливо отвернулся, устремив глаза на зелень за окном, чтобы «промыть» зрение.

Почему надо было мыться именно сейчас? Почему обязательно прижиматься к двери? К чему эта поза?! Неужели он не понимает, что снаружи всё как на ладони?

— Он делает это нарочно или случайно?

Сюй Шанлу никогда прежде не попадал в столь неловкие ситуации. Ему почти захотелось сбежать без оглядки, но в глубине души уже зарождалось запретное желание, искушая его, словно демон, и заставляя одновременно презирать себя и таращиться в упор на запертую дверь ванной.

Какая же у него соблазнительная задница.

Когда эта мысль пронеслась в голове, Сюй Шанлу перепугался не на шутку — усидеть на месте он больше не мог и думал только о том, как бы поскорее унести ноги.

Но тут из ванной донесся грохот от резкого падения.

Следом раздался сдавленный стон Лян Цзяня.

Хрупкий цветок трудно сорвать (12)

— Бах! —

Сюй Шанлу влетел в открытую дверь. В вихре паники в голове промелькнула странная мысль: почему Лян Цзянь моется с незапертой дверью?

Однако думать об этом было некогда, потому что Лян Цзянь лежал на полу прямо перед ним, а его взгляд — острый, как клинок — был устремлен точно на него.

Лян Цзянь упал навзничь: одна синяя шлепка отлетела в угол, а вторая неверно болталась на ноге.

Его нефритово-белая кожа была гладкой и нежной, отливая медовым сиянием в золотистых лучах потолочного светильника ванной.

Поза раскинувшегося на полу человека выглядела несколько нелепо и жалко, но из-за этого его совершенно нагое тело оказалось прямо перед глазами Сюй Шанлу.

На тонкой талии блестели капли воды, на плоской груди в такт дыханию вздымались две розовые бугорки сосков, а широко разведенные ноги поражали гибкими, четкими линиями, вызывая самые вольные фантазии о том, как потрясающе они должны выглядеть, когда сожмутся на чьей-то талии, а округлые пальцы ног судорожно сожмутся.

Всё было распахнуто перед ним настежь, выставлено напоказ со всеми подробностями.

В голове Сюй Шанлу гудело. Впервые в жизни он проклинал свое отменное зрение, а в носу мгновенно захимичило от подступившего жара.

Зажав переносицу руками, он пошатнулся, сделал пару шагов назад и уже был готов

развернуться и бежать.

Лян Цзянь жалобно заскулил:

— Ой, больно...

Обиженный тон выдавал испуганного, забившегося в угол зверька.

Сюй Шанлу оцепенел, застыв на месте.

Просто напасть какая-то: с чего вдруг мужчина, представитель того же пола, человек на несколько лет старше, который по всем понятиям должен восприниматься как наставник и старший товарищ... кажется ему беззащитным?

Это было искушение, выходящее за рамки пола: андрогинная притягательность, усиленная клубами ванного пара и сиянием капель на коже Лян Цзяня, заставила Сюй Шанлу видеть перед собой лишь одно — его безумно манящее тело.

Сюй Шанлу сглотнул слюну, его глаза потемнели. Он подошел к Лян Цзяню, медленно опустился на одно колено, подхватил его под руку, а его голос звучал хрипло и глухо, словно его терзала грубая наждачная бумага.

— ...Учитель. Я помогу вам встать.

Лян Цзянь послушно прижался к его груди, закинул руку ему на плечи, а Сюй Шанлу обнял его за талию, позволяя опереться на себя, чтобы подняться.

В процессе его тело терлось об одежду Сюй Шанлу, капли воды сплошной пеленой пропитали ткань насквозь, и между ними передавалось тепло.

Сюй Шанлу неосознанно облизнул верхнюю губу, а его взгляд бесцеремонно блуждал по телу Лян Цзяня, пока тот, ничего не подозревая, бормотал:

— У меня, кажется, копчик от падения сломался.

Едва стихли его слова, как он почувствовал, что выше ягодиц легла теплая ладонь, а подушечки пальцев с легкими мозолями нежно разминают кожу на том месте.

— Здесь? — Сюй Шанлу пристально смотрел в лицо Лян Цзяню, не желая упускать ни единого малейшего выражения на нем.

Он чувствовал, что его сердце колотится бешено, словно мощный насос, а кровь бурлит от жара.

Лян Цзянь нахмурился и тихонько застонал:

— М-м, чуть ниже, угу, вот здесь, как же больно.

Рука нежно принялась разминать кожу, лицо Лян Цзяня горело, он прижимался к груди Сюй Шанлу, слегка прикрыв веки с застенчивым видом.

По мере того как продолжались поглаживания, ощущения менялись. Рука все ниже опускалась поблизости, постепенно ложась на круглые, упругие ягодицы. Средний палец сдвоенным движением попытался протиснуться в щель.

Лян Цзянь смотрел перед собой на вырисовывавшиеся сквозь промокшую одежду бугорки на груди Сюй Шанлу и не удержался, чтобы не провести по ним кончиком языка.

Сюй Шанлу издал глухой стон, и не успел Лян Цзянь удивиться его чувствительности, как рука, замершая на ягодицах, молниеносно отдернулась, а плечи оттолкнули его.

Лицо Сюй Шанлу из красного сделалось бледным, он испуганно бросил на него пару взглядов и смущенно выкрикнул:

— Учитель...

Не дожидаясь ответа Лян Цзяня, он бросился к выходу из ванной.

Спустя несколько секунд Лян Цзянь услышал громкий звук захлопнувшейся двери.

Черт, этот сопляк на самом деле сбежал с поля боя!

Лян Цзянь не знал, плакать ему или смеяться!

Ночной ветерок обдувал мост, а ряды уличных фонарей отражались в воде золотистой рябью.

Сюй Шанлу прислонился к перилам, поднял голову и посмотрел на мерцающие звезды в темно-синем небе, неторопливо выдыхая колечки дыма.

Частота сердечных сотен постепенно возвращалась в норму, он со сложным выражением взглянул в сторону дома Лян Цзяня — темные многоэтажные дома походили на молчаливых чудовищ, откуда он только что сбежал.

Если бы он остался... что произошло бы между ним и Лян Цзянем?

Сюй Шанлу в раздражении зажал сигарету зубами, медленно присел на корточки и обхватил голову руками.

Мимо с ревом проносились машины, и в этой гудящей суете на его плотно сжатой нижней губе проступили кровавые пятна.

Он не гей, это была всего лишь нормальная физиологическая реакция, он не любит мужчин и тем более не любит Лян Цзяня, это тот самый распутник соблазнил его...

Как это доказать?

Он вдруг вспомнил об одном месте, но на его лице проступило некоторое колебание.

Последние два дня Сюй Шанлу не появлялся на занятиях, его парта пустовала, и оседающая на ней пыль летала в воздухе.

Это предвещало недоброе: его определенно вывели из себя тем сильным средством.

После окончания уроков Лян Цзянь стряхнул с ладоней мелкую пыль от мела и окликнул Чу Яна, который как раз собирался уходить с баскетбольным мячом в руках:

— Хочу тебя кое о чем спросить.

Чу Ян выглядел совершенно озадаченным:

— Учитель, я в последнее время вроде не навлекал на себя ваш гнев.

Даже если бы это касалось истории в туалете, за такое наказали бы давным-давно, зачем тянуть до сих пор? К тому же он не был зачинщиком.

Лян Цзянь перешел прямо к делу:

— Куда делся Сюй Шанлу?

Чу Ян на мгновение замер, опустил голову и забормотал:

— Откуда мне знать.

Его глаза забегали туда-сюда, и он украдкой покосился на Лян Цзяня, наивно полагая, что это незаметно. Однако подобные мелкие уловки никак не могли обмануть старого лиса Лян Цзяня.

Уголки губ Лян Цзяня дрогнули:

— Не говоришь, значит? Мой ученик два дня не показывается на глаза, тогда я отправлюсь заявлять в полицию.

— Ой-ой-ой! Только не надо, учитель! — Чу Ян тут же всполошился и подскочил на три фута ввысь. — С ним все в порядке! Он в полном порядке...

Лян Цзянь скрестил руки на груди и уставился на него суровым взглядом.

Чу Ян заикался, не находя слов, и в конце концов почесал затылок, думая про себя: «Босс, я ведь не со зла хочу тебя предать, просто учитель уж слишком коварен, ну просто слов нет».

Он пробормотал себе под нос несколько слов тихо, словно комариный писк, так что Лян Цзянь ничего не расслышал.

Нетерпеливо Лян Цзянь произнес:

— Говори громче.

Лицо Чу Яня покраснело от смущения, его взгляд метался, он совершенно не смел встретиться глазами с народным учителем и, запинаясь, вымолвил:

— Только вы не сердитесь, учитель, когда я скажу... Босс отправился... отправился в квартал красных фонарей.

Испугавшись, что репутация Сюй Шанлу пострадает, он поспешно добавил:

— Не развлекаться с девицами, а проходить те...

Не дожидаясь, пока тот договорит, Лян Цзянь помрачнел лицом и бросил:

— Меньше болтовни, веди меня! Эти три слова прозвучали сквозь стиснутые зубы, словно он собирался стереть чье-то горло в порошок.

Чу Ян впервые видел, как Лян Цзянь выходит из себя, а потому остолбенел, не смея больше говорить лишнего, и послушно, с поникшим видом вывел Лян Цзяня за школьные ворота.

Они петляли по извилистым улочкам, пока не вышли к ночному клубу на западе города.

В этот момент зажглись первые огни, небосклон на востоке уже потемнел, но остатки закатного солнца на западе всё ещё окрашивали тонкие облака в золотисто-красные тона.

Они ещё не успели войти, как ударивший в нос дурманивший аромат пудры и румян заставил Лян Цзяня нахмурить длинные брови.

Он никак не ожидал, что Сюй Шанлу в столь юном возрасте уже ходит по борделям, отчего на душе у него было прескверно.

Неизвестно, в первый ли раз тот оступился или уже был постоянным клиентом, но в любом случае —

Черт, ему захотелось бросить задание, что же делать?

Не колеблясь ни секунды, он шагнул в вестибюль, и тут же навстречу ему двинулась ярко накрашенная женщина в откровенном наряде.

— Господин, вы у нас впервые? В нашем заведении...

Лян Цзяню не хотелось тратить время на любезности, и он холодно и равнодушно бросил:

— Я ищу человека.

На лице женщины появилось затруднение:

— Так не пойдет, информация о клиентах конфиденциальна.

Лян Цзянь слегка приподнял подбородок, а уголки его губ тронула холодная усмешка.

Заметив неладное и сообразив, что его учитель, судя по всему, сейчас готов разнести заведение, Чу Ян немедленно изобразил на лице улыбку и протянул небольшую карточку:

— У меня срочное дело к моему приятелю. Смотрите, прошлой ночью я сопровождал его здесь, и у меня остался ваш купон...

У дверей гостевой комнаты на втором этаже.

Лян Цзянь сжал пальцы, заставив суставы хрустнуть, а на его лице не дрогнул ни один мускул.

Чу Ян стоял рядом, яростно вытирая со лба холодный пот, не в силах даже выпрямить спину — на его лице отчетливо читалось чувство вины.

Просто кошмар! С чего у Лян Цзяня такая мощная аура? Еще пару дней назад их банда загоняла его в туалете и заставляла переодеваться в женскую одежду, а сегодня он уже разминает кулаки с видом человека, готового пустить их в ход?

Странная мысль молнией пронеслась в голове, и Чу Ян с испугом украдкой покосился на подавляющего всех вокруг учителя.

Существовало лишь одно объяснение столь нелогичной перемены: между Сюй Шанлу и Лян Цзянем была романтическая связь!

Это же, мать вашу, ловля с поличным!

Менеджер зала шагнул вперед, пытаясь постучать в дверь, но Лян Цзянь жестом остановил его, после чего оставалось лишь молча вставить ключ в замочную скважину и повернуть. За тихим щелчком...

Лян Цзянь с мрачным лицом ударил ногой и распахнул дверь.

Его передергивало от одной мысли о том, чтобы прикоснуться здесь к чему-либо — у него была психологическая брезгливость, он считал это место грязным.

Воздух на мгновение замер, стало настолько тихо, что был слышен каждый шорох. В центре гостиной комнаты хрупкий юноша как раз пудрил лицо перед туалетным зеркалом. От звука выбитой двери он испуганно вздрогнул, зеркало выскользнуло из рук и со звоном разбилось о пол на мелкие кусочки.

Он надул губы, недовольно сморщил тонко выведенные брови и бесцеремонно повернулся к Лян Цзяню:

— Ты что творишь? Почему без стука?

Лян Цзянь проигнорировал его, окинул комнату беглым взглядом и не обнаружил и следа Сюй Шанлу.

Он приподнял бровь и подозрительно спросил Чу Яна:

— Где он? Ты предупредил его заранее?

Чу Ян отчаянно затряс головой, поднял руки над головой и клятвенно заверил:

— Абсолютно нет!

Лян Цзянь цыкнул языком.

Чу Ян решил, что Лян Цзянь явился сюда с облавой на изменников, и воспользовался моментом, чтобы обелить репутацию своего босса:

— Раньше босс сроду не ходил по таким местам, а позавчера неизвестно с чего вдруг взбеленился и заставил меня найти ему девушку. Вчера мы вместе бронировали этот номер, но он счёл, что я путаюсь под ногами, и ушёл, а сегодня пришёл снова...

С робкой надеждой в голосе он произнёс:

— Может, он одумался и сегодня вообще не придёт?

Лян Цзянь посмотрел на сердитого юношу, сидевшего на диване, и усмехнулся:

— Как же, поверь тебе.

Не придёт? То есть этот мальчик по вызову пришёл сюда с призраками развлекаться?

— Валите отсюда все, я сам тут побуду, — Лян Цзянь направился напрямик к дивану. Заметив на журнальном столике знакомый телефон, он чуть заметно улыбнулся. — Я подожду, пока он вернётся.

Чу Ян мысленно пролил слезу сочувствия по Сюй Шанлу.

Желая избежать грядущего кровопролития, он вместе с менеджером зала испарился за дверь, предусмотрительно прикрыв её за собой.

Выражение лица Лян Цзяня смягчилось, и он довольно дружелюбно обратился к мальчику по вызову:

— Ты не знаешь, куда он ушёл?

— Ты ещё кто такой? — неуверенно пожаловался юноша и сглотнул слюну.

— Я? Я его... — Лян Цзянь моргнул, — муж.

— ... — Юноша искренне почувствовал себя так, будто его душат, и лишь спустя долгое время выдавил: — Он пошёл покурить в зону для некурящих в коридоре, сказал, что скоро вернётся.

На лице Лян Цзяня застыла улыбка, указательным пальцем он слегка приподнял подбородок юноши и прищурился.

Неторопливо он произнёс:

— Если умоешь лицо, станешь ещё красивее, м? Я нравлюсь ему?

Лицо юноши залилось краской, он замялся, не зная, что и ответить.